

Том Рэкман
Халтурцики

Tom Rachman
The Imperfectionists

Том Рэкман
Халтурщики

роман

Перевод с английского
Юлии Федоровой

издательство **астрель**

УДК 821.111–31
ББК 84 (4Вел)-44
Р96

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Рэкман, Т.
Р96 Халтурщики: роман / Том, РЭКМАН; пер. с английского Ю. ФЕДОРОВОЙ. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 446, [2] с.

ISBN 978-5-271-44694-8 (ООО “Издательство Астрель”)

В 1950 году в Риме появляется газета, плод страсти и фантазии одного мультимиллионера. Более полувека она удивляет и развлекает читателей со всех уголков света. Но вот начинается эпоха интернета, тираж газеты стремительно падает, у нее до сих пор нет собственного сайта, будущее выглядит мрачным. Однако сотрудники издания, кажется, этого не замечают. Автор некрологов имитирует страшную занятость, чтобы не работать. Главный редактор обдумывает, не возобновить ли ей роман с давним любовником. Престарелая читательница одержима тем, чтобы прочесть все старые номера газеты, и постепенно становится пленницей прошлого. А издателя, похоже, гораздо больше интересует его пес Шопенгауэр, нежели газетные передраги. “Халтурщики” — рассказ о том, что все кончается: человеческая жизнь, страсть, времена печатной прессы. А также о том, что может возникнуть взамен.

Английский журналист Том Рэкман работал корреспондентом The Associated Press в Риме, где и разворачивается сюжет его дебютного романа. Книга издана в десяти странах.

УДК 821.111–31
ББК 84 (4Вел)-44

ISBN 978-5-271-44694-8 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Tom Rachman, 2010
- © Ю. Федорова, 2012
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012
- © ООО “Издательство Астрель”, 2012
Издательство CORPUS ®

Содержание

“РЕЙТИНГ БУША УПАЛ НИЖЕ ПЛИНТУСА”

Корреспондент в Париже Ллойд Бурко

9

**“В ВОЗРАСТЕ 126 ЛЕТ УМЕР САМЫЙ
СТАРЫЙ В МИРЕ ЛЖЕЦ”**

Автор некрологов Артур Гопал

51

**“КАК ПОКАЗАЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ,
ЕВРОПЕЙЦЫ ОЧЕНЬ ЛЕНИВЫ”**

Экономический обозреватель Харди Бенджамин

95

**“МОРОЖЕНОЕ ВЫИГРЫВАЕТ
ОТ ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ”**

Редактор раздела “Поправки” Герман Коэн

131

**“АМЕРИКАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ ПОЛОН ОПТИМИЗМА
ПО ПОВОДУ ВОЙНЫ”**

Главный редактор Кэтлин Солсон

171

“ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ ИСЛАМСКИХ ЭКСТРЕМИСТОВ”

Внештатный корреспондент в Каире Уинстон Чан

219

“БОЕГОЛОВКИ В РУКАХ СОРВИГОЛОВ”

Корректор РУБИ ЗАГА

261

“В ХОДЕ БОМБЕЖКИ В БАГДАДЕ ПОГИБЛО 76 ЧЕЛОВЕК”

Редактор отдела новостей КРЕЙГ МЕНЗИС

299

“ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ЗАКОНЧИЛАСЬ, НАЧИНАЕТСЯ ГОРЯЧАЯ”

Читатель ОРНЕЛЛА ДЕ МОНТЕРЕККИ

337

**“ОБВАЛ РЫНКА НА ФОНЕ УГРОЗЫ СНИЖЕНИЯ
ТЕМПОВ РОСТА В КИТАЕ”**

Финансовый директор ЭББИ ПИННОЛА

371

“СТРЕЛЬБА НА КАМПУСЕ: 32 ЧЕЛОВЕКА ПОГИБЛИ”

Издатель ОЛИВЕР ОТТ

413

Посвящается Клэр и Джеку

“Рейтинг Буша упал ниже плинтуса”

Корреспондент в Париже

Ллойд Бурко

Ллойд сбрасывает покрывала и поспешно идет к двери. На нем белые трусы с майкой и черные носки. Нетвердо стоя на ногах, он хватается за ручку и закрывает глаза. Из-под двери несет холодом, и он поджимает пальцы ног. Но в коридоре все тихо. Только этажом выше стучат каблуки. А в доме напротив скрипит ставня. Еще он слышит легкий свист собственного дыхания: вдох, выдох.

Раздается приглушенный женский голос. Ллойд зажмуривается покрепче, словно это поможет увеличить громкость, но все равно голоса еле слышны: это в квартире напротив мужчина и женщина беседуют за завтраком. Наконец их дверь резко распаивается, женский голос становится громче, в коридоре скрипят половицы — она приближается. Ллойд быстро забегает в комнату, открывает выходящее во двор окно и принимает такую позу, будто

разглядывает открывающийся его взгляду уголок Парижа.

Она стучит в дверь.

— Открыто, — говорит Ллойд. — Зачем стучать. — И его жена заходит домой — впервые со вчерашнего вечера.

Он по-прежнему смотрит в окно, не поворачиваясь к Айлин, лишь сильнее прижимается голыми коленями к железным перилам. Она приглаживает седые непослушные волосы у него на макушке. От ее неожиданного прикосновения Ллойд вздрагивает.

— Это всего лишь я, — успокаивает она.

Он улыбается, вокруг глаз собираются морщинки. Ллойд уже было приоткрыл рот и набрал воздуха, чтобы что-то ответить. Но сказать ему нечего. Она убирает руку.

Наконец Ллойд поворачивается и видит, что она сидит у ящика, в котором хранятся их старые фотографии. На плече у Айлин висит полотенце, которым она вытирает руки — Айлин чистила картошку, резала лук, мыла посуду, на пальцах остался запах средства против моли, земля из горшков на окне — Айлин из тех женщин, которым надо до всего дотронуться, попробовать все на вкус, всюду залезть. Она надевает очки.

— Что ты тут ищешь? — интересуется Ллойд.

— Свою детскую фотографию из Вермонта. Хочу показать Дидье. — Она встает, забирая с собой фотоальбом, затем останавливается около входной двери. — У тебя же есть планы на ужин?

— М-м. — Ллойд кивает на фотоальбом. — Постепенно, — произносит он.

— Ты о чем?

— Ты перебираешься к нему.

— Нет.

— Я не запрещаю.

Он не против ее дружбы с Дидье, соседом из квартиры напротив. Ей, в отличие от Ллойда, это все еще нужно, в смысле, секс. Жена младше его на восемнадцать лет, в свое время такая разница в возрасте возбуждала его, но теперь, когда ему уже семьдесят, годы разделяют их, словно озеро. Он посылает Айлин воздушный поцелуй и снова поворачивается к окну.

В коридоре скрипят половицы. Открывается и закрывается дверь Дидье — к нему Айлин входит без стука.

Ллойд смотрит на телефон. За последние несколько недель он не продал ни одной статьи, и ему нужны деньги. Он звонит в газету в Риме.

Стажер переключает его на Крейга Мензиса, редактора отдела новостей, лысоватого беспокойного человека, от которого почти целиком и полностью зависит, что пойдет в выпуск. Мензис находится на рабочем месте в любое время суток. Он живет новостями.

— Статью подбросить? — спрашивает Ллойд.

— Вообще-то я тут несколько занят. Можешь прислать по мылу?

— Нет. У меня с компьютером какая-то проблема. — Проблема Ллойда заключается в том, что компьютера у него нет, он все еще пользуется текстовым процессором модели 1993 года. — Могу распечатать и послать по факсу.

— Давай по телефону. Но, прошу, разберись с компом, если можно.

— Хорошо. Записываю: починить компьютер. — Он скребет пальцем блокнот, словно надеясь выудить оттуда что-нибудь попримечательнее того, что уже накарябал. — Интересует материал о садовой овсянке? Это такой французский деликатес, птица, кажется, из вьюрковых, продажа которой тут незаконна. Птицу сажают в клетку, выкалывают глаза, чтобы она не могла отличить дня от ночи, а потом откармливают. Когда она разжиреет, ее топят в коньяке и готовят. Это было последнее, что съел Миттеран.

— Ага, — осмотрительно говорит Мензис. — Прости, но я не пойму, это разве новости?

— Нет. Просто информационная статья.

— А еще что-нибудь есть?

Ллойд снова скребет блокнот.

— Может, пойдет заказной материал о вине: во Франции розовое вино впервые продается лучше белого.

— Это правда?

— Думаю, да. Но надо еще разок проверить.

— А чего погорячее у тебя нет?

— Так про овсянку ты не хочешь?

— Для нее у нас, боюсь, места нет. Сегодня напряженный день — четыре страницы новостей.

Все остальные издания, с которыми Ллойд раньше сотрудничал, его уже послали. Теперь он начинает подозревать, что и римская газета, его последняя надежда, последний работодатель, тоже хочет от него отделаться.

— Ллойд, ты же знаешь, у нас с деньгами напряг. Сейчас мы берем у фрилансеров только такие статьи, от которых у читателя челюсть отвисает. Не хочу сказать, что ты плохо пишешь. Но сейчас Кэтлин требует исключительно крутых текстов. Например, о терроризме, ядерной обстановке в Иране, возрождении России. Все остальное мы обычно берем у агентств. Дело не в тебе, а в деньгах.

Ллойд вешает трубку и возвращается к окну. Он смотрит на жилые дома шестого аррондисмана: на белые стены, запачканные брызгами дождя и потоками воды, льющейся из водосточных труб, на облетающую краску, плотно закрытые ставни, дворы, где лежат, сцепившись рулями и педалями, сваленные в кучу велосипеды жильцов, потом поднимает взгляд на оцинкованные крыши, накрытые колпаками трубы, из которых валит белый дым.

Он подходит к входной двери, замирает и слушает. Жена может вернуться от Дидье в любой момент. Господи, это же их общий дом.

Приближается время ужина, и Ллойд начинает шумно собираться, он как можно громче ударяет

дверью по вешалке и выходит, изображая приступ кашля, чтобы Айлин в квартире напротив услышала, что он пошел по своим делам, хотя на самом деле никаких дел у него нет. Ллойду просто не хочется, чтобы жена с Дидье опять позвали его есть к себе из жалости.

Чтобы убить время, Ллойд прогуливается по бульвару Монпарнас, покупает коробку калиссонов для своей дочери Шарлотты и возвращается домой, на этот раз стараясь зайти как можно тише. Он приподнимает входную дверь, чтобы она не так скрипела, и аккуратно закрывает ее. Основной свет Ллойд не включает: Айлин может заметить полосу под дверью; он на ощупь пробирается на кухню и распахивает дверцу холодильника, чтобы было не так темно. Ллойд открывает банку нута и ест прямо оттуда. Он бросает взгляд на свою правую руку, покрытую возрастными пигментными пятнами. Ллойд перекладывает вилку в левую руку, а правую, такую дряхлую, засовывает поглубже в карман брюк и сжимает тонкий кожаный кошелек.

Уже который раз он оставался без денег. Ллойд всегда хорошо удавалось тратить и плохо — экономить. Он одевался в дорогие рубашки с Джерминстрит. Ящиками покупал вино Шато Глория 1971 года. Спускал деньги на скаковых лошадей, которые предположительно должны были победить. Мог внезапно сорваться в Бразилию с какой-нибудь случайной попутчицей. Всюду ездил на такси. Он подносит ко рту

еще одну вилку с нутом. Соль. Нужна соль. Ллойд бросает щепотку прямо в банку.

Светает, он лежит под несколькими одеялами и покрывалами: теперь Ллойд включает отопление только в присутствии Айлин. Сегодня он собирается пойти к Шарлотте, но это его особо не греет. Он переворачивается на другой бок, словно чтобы переключить мысли на сына, Жерома. Он милый парень. Ллойд снова переворачивается. И сон не идет, и усталость дикая. Это все лень — он стал страшно ленивым. Как же так получилось?

Он неохотно сбрасывает одеяла и в одном белье и носках, дрожа, направляется к письменному столу. Ллойд сосредоточенно изучает старые записки с телефонными номерами — сотни бумажек, приклеенных клеем или скотчем или приколотых скрепками. Звонить кому-либо еще рано. Он ухмыляется, читая имена бывших коллег: редактор, который проклял его за то, что он пропустил первые парижские забастовки в 68-м году — Ллойд накануне напился и отмокал в ванне с подружкой. А вот, например, шеф бюро, который в 74-м послал его в Лиссабон делать репортаж о гесперевороте, хотя Ллойд ни слова не знал по-португальски. Или репортер, с которым их пробило на хи-хи на прессухе Жискара д'Эстена, за что пресс-секретарь устроил им разнос и выгнал из зала. Интересно, хоть по какому-нибудь из этих древних номеров еще можно дозвониться?

Постепенно за окном в гостиной светлеет. Ллойд раздвигает занавески. Не видно ни солнца, ни облаков — только здания. Айлин хотя бы не в курсе, как плохо у него с деньгами. Если бы она узнала, то попыталась бы как-то помочь. И что бы тогда ему осталось?

Ллойд открывает окно, набирает полные легкие воздуха, прижимаясь коленями к перилам. Великолепие Парижа — его высота и ширь, твердость и нежность, идеальная симметрия, человеческая воля, навязанная камню, газонам, непослушным розовым кустам — все это где-то не здесь. Париж Ллойда меньше: он включает в себя его самого, это окно и скрипящие в коридоре половицы.

В девять утра он шествует на север через Люксембургский сад. Садится отдохнуть у Дворца юстиции. Уже устал? Лентяй. Ллойд заставляет себя идти дальше, через Сену, по улице Монторгей, мимо Больших бульваров.

Магазин Шарлотты находится на улице Рощешуар — к счастью, не на самой вершине холма. Она еще не пришла, так что он бредет к кафе, но, дойдя до двери, передумывает: такую роскошь он себе позволить не может. Ллойд рассматривает витрину магазина: в нем продаются шляпки — его дочь разрабатывает эскизы, а шьют по ним молоденькие девушки, одетые в льняные фартуки с высокой талией и чепцы, словно служанки из XVIII века.

Шарлотта приходит позже обычного.

— *Oui?* — говорит она, увидев отца — она разговаривает с ним исключительно по-французски.

— Я рассматривал витрину, — сообщает он. — Очень красиво.

Дочь открывает магазин и заходит внутрь.

— Почему ты в галстук? Куда-то собрался?

— Сюда — к тебе вот пришел. — Ллойд вручает ей коробку со сладостями. — Принес тебе калиссоны.

— Я их не ем.

— Я думал, ты их любишь.

— Я нет. Брижит любит. — Брижит — это ее мать, вторая из бывших жен Ллойда.

— Может, отдашь их ей?

— Ей от тебя ничего не нужно.

— Шарли, ты чересчур на меня сердита.

Она направляется в другой конец магазина и с воинственным видом принимается за уборку.

Появляется посетитель, и Шарлотта начинает улыбаться. Ллойд прячется в угол. Клиент уходит, и она снова яростно принимается стирать пыль.

— Я что-то сделал не так? — интересуется он.

— О боже, до чего ты эгоцентричен.

Ллойд вглядывается в подсобку.

— Их еще нет, — резко говорит она.

— Кого?

— Девушек.

— Твоих работниц? Зачем ты мне об этом сообщаем?

— Ты слишком рано пришел. Ошибся, — Шарлотта намекает на то, что Ллойд ухлестывал за каждой женщиной, с которой она его знакомила, начиная с Натали, ее лучшей подруги из лица, которая как-то поехала с ними отдыхать в Антиб и в море потеряла лифчик от купальника. Шарлотта заметила, как он на нее смотрел. К счастью, она так никогда и не узнала, что дела между его отцом и Натали зашли куда дальше.

Но теперь все. С этим покончено. Если оглянуться в прошлое, все это было так бессмысленно, столько сил потрачено впустую. Все это время он был жертвой собственного либидо, которое много лет назад заставило Ллойда отвергнуть комфорт американской жизни и перебраться в грешную Европу ради приключений и завоеваний, четырежды жениться. Оно явилось причиной тысячи других неприятностей, отвлекая его от дел и ведя к деградации, чуть ли не к краху. Теперь, к счастью, с этим покончено, половое влечение в последние годы пошло на спад, и его исчезновение оказалось таким же удивительным, как появление. Впервые лет с двенадцати Ллойд смотрел на мир без этой движущей силы. И ощущал себя крайне потерянным.

— Ты правда не любишь эти конфеты? — переспрашивает он.

— Я не просила их покупать.

— Да, не просила. — Ллойд печально улыбается. — Но могу я хоть что-нибудь для тебя сделать?

— Зачем?

— Я хочу помочь.

— Мне твоя помощь не нужна.

— Ладно, — говорит Ллойд. — Хорошо. — Он кивает, вздыхает и поворачивается к двери.

Шарлотта идет за ним. Он протягивает руку, чтобы дотронуться до нее, но она отстраняется. И отдает ему коробку калиссонов.

— Мне они не нужны.

Вернувшись домой, Ллойд просматривает имеющиеся у него телефонные номера и в итоге звонит старому приятелю, репортеру Кену Ладзарينو, который сейчас работает в одном журнале на Манхэттене. Они обмениваются новостями, несколько минут предаются воспоминаниям, но у этого разговора есть скрытый мотив: они оба знают, что Ллойд хочет попросить об одолжении, но не может отважиться. Наконец он выдавлиывает:

— А что, если я предложу вам материалчик?

— Ллойд, ты же никогда для нас не писал.

— Я знаю, просто интересуюсь на всякий случай.

— Я сейчас отвечаю за онлайн-стратегию. То, что берут в номер, от меня больше не зависит.

— Может, ты мог бы связать меня с нужным человеком?

Выслушав несколько вариаций на тему слова “нет”, Ллойд кладет трубку.

Он съедает еще банку нута и решает снова попытать счастья с Мензисом — звонит ему в газету.